

РК-13

УКРАИНСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. МИГАЛЬСКИЙ (Елин).

ОГНЕННЫЙ МОСТ

ЛИРО-ПОЭМЫ.

Выпуск I.

Всеукраинское Государственное Издательство

ХАРЬКОВ — ОДЕССА

1921.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00446110

0

45073

98

УКРАИНСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

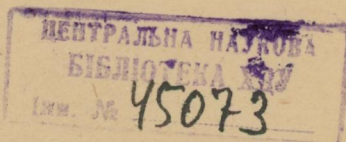
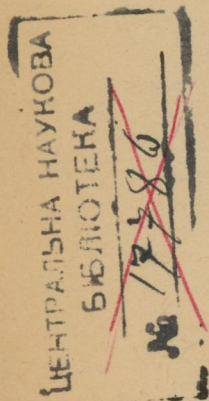
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. МИГАЛЬСКИЙ (Елин).

ОГНЕННЫЙ МОСТ

ЛИРО-ПОЭМЫ.

Выпуск I.

45073

145

№ 45073
19 21/34 р.
VI

Всеукраинское Государственное Издательство

ХАРЬКОВ — ОДЕССА

1921.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строк.	Напечатано:	Следует читать:
7	9	Троны	Трон
7	22	Но и века	Но и в века
28	21	Камни	Капли
30	13	Маленькие	Мыслящие
41	1	Март	Мирт
43	1	И проснулся я	И вдруг проснулся я.

ПОСВЯЩАЮ

светлой памяти моего великодушного брата

ЯКОВА (Жака) ЕЛИНА,

члена Р. К. П., героя и мученика пролетариата, расстреленного в Одессе Французско-добровольческой контр-разведкой в ночь под 2-е Марта (ст. стиля) 1919 г. вместе с другими товарищами (М. Штиливер, И. Дубинский, А. Виницкий, Жана Лабурб).

О, как мне хочется в своей душе зажечь
Везувии и Этны вдохновенья,
Чтоб лаву чувств и кипень слов облечь
Грозовой красотой и бурей изступленья.
Чтоб слово каждое гремело, как каскад
Кручинных вод, свергающихся в бездну,
Чтоб тяжких звуков неизбывный град
Взвихрил бы гнева смерчь железный,
Когда лохмотья старых истин в ад
Бросает мир с гадливым омерзеньем,
Пусть, как созвездья яркие горят
Экстаз трибуна и певца прозренье.
И в эти дни вам рядом стать должно;
Трибун, певец да сопрягутся вместе,
И воля—меч и слово—меч—звено
Великого освобождения и мести.

Всехнет в эти восторженные
Под эту куртку и кинет свой огарок
Грозной вострой и дурей восторженной
Под само каждое тремло, как кассет
Кружащих вод, сверлящихся в дурную
Под тяжких звуков неслыханный треп
Взвешивая бытия, сидит жезловый
Ноль дождя старых истин и ад
Блески мид с ледяным огарком
Пусто, как совестили вконец топа
Экстаз трингула и нева проворное
И в эти дни вам вном стане должно
Трингул, невед для софистиче восте
И вода—мел и слово—мел—звено
Невнялого освобождения и нести

Ave, mundi liberator!

Как серые и скучные туманы,
Как ночь осенняя, как старость тусклая,
Тоскливо

Текли века
Над усталой головой,
Дремавшей в бессилии старческом Европы;
Тогда царили в мире
Клубок монаха и скипетр короля—
Троны и алтарь,—

Чертя мечом насилия законы;
Забитый темный раб, как встарь,
Угрюмо ковырял земли бесплодной лоно,
А жадный хищник отнимал
Убогий плод трудов упорных
И в гордом замке пировал,
Среди таких же хищников задорных.

Поп лицемерно ткал
Узоры черные обмана,
И в души темные ронял
Хмель суеверного дурмана,
Отраву грез мистических;

Но и века изуверства и мрака
Неодолимо в темных глубинах,
Будто подземные реки—стремнины,
Мысль стремилась человека—

Вечно живая,
Все побеждая,

Мысль мятущаяся, страстная,

Дерзновенная,
Вдохновенна,
Неугасимая,
Неистребимая.

Кипел, как прежде,
С зловещею и грозною Природой
Таинственный и молчаливый спор,
Неистовый и вечный поединок.

Упорно человек

Искал, подслушивал, следил,—

И каждый вздох ее,

Биенье пульса каждое ловил,

И в тайной книге бытия

Замысловатые читал иероглифы.

Он постигал значенье, сущность, связь

Могучих сил, что миром управляют,

И, обуздав,

Послушными их делал он рабами.

Цепями сверкающих формул,

Заклятьем таинственных знаков

Сковал он стихий своеволие,

Смирил разрушенья порывы.

Он впряг их в свои колесницы,

Зигзагами молний змеистых

Заставил светить их в жилищах;

Из стали блестящей,

Из пламенной меди

Воздвиг он гигантов

Кипящих, поющих,

И клубами пара и дыма

В высокое небо плюющих.

Он солнечной мощью,

Дремавшей безсильно

Веков миллионы

В подземных глубинах,

Поил ненасытных чудовищ;

Чтоб силой безмерной

Железных бесчисленных дланей

Блестящие груды

Несметных сокровищ

Творить...

Тогда в победном торжестве

Труд человеческий

Слился с трудом машины,

Утисачеренный, оплодотворенный ею;

Свершилось чудо, закипели

Неслыханною мощью города,

Всю мощь, всю силу вселенной поглощая;

Из темных шахт, из копей мрачных

Кровь черная руды и угля

В их огненные пасти потекли;

Сквозь ураган и ночь,

Как к маякам манящим,

Устремились

В их гавани чудовища морские;

Из мирных сел, из деревень убогих

Отчаянье и Голод

Бичами черными согнали

К станкам рычащим и поющим

Бесчисленные толпы;

Они кидают

В пылающие горны

Мощь мускулов стальных,

Хмель буйный мозга

И терпкий пот упругих, сильных тел,

И с гулом, грохотом станков

Сливается мятежный трепет сердца.

О, исполин железный,

О, символ мощи неизбывной,

Твой гул призывный

В ночном тумане,

Как клич восстаний,

Как зов надзвездный

Поет в сердцах.

В звенящем горне

Бессильный прах,

Людскую пыль,

В металл суровый и упорный
В блестящий сплав ты перелил;
Их воли, души закалил
В огне страстей неукротимых,
В гореньи сил неизмеримых;

Их научил

Ты мочь, хотеть и ненавидеть,
В предсветном сумраке провидеть
Веков величественных тень,
Во мгле ночной грядущий день.
Среди хаоса содраганья
Вдруг показал им очертанья
Нагой сверкающей мечты,
И грозных факелов пыланьем
К ней осветил дорогу ты.

Он сын твой, тот Титан суровый,
Кому судьбой дано рассечь
Насилья мрачного оковы,
И над землей во мгле багровой
Зарю вселенскую зажечь;
Кому начертано в веках
Раздвинуть вечности пределы
И человечество в грядущих днях,
Как кормчий уверенный и смелый,
К мете звенящей привести,
Низвергнуть власть стихий невзгодных,
И на развалинах бесплодных
Храм гордый солнца возвести.

.....
Его рука, как мечь разящий,
Нависла над землей дрожащей.

—

Ненависть.

О грозная, о буйная,
Зловещим пламенем

Ты зажигаешь

Упорные глаза безумцев, одержимых тобой.

Яростью, гневом, исступленьем

Потрясаешь сердца,

Молнией пронизываешь мозг.

И туманишь сознание,

Подобно молодому вину.

Ты точишь гибельный нож в тиши,

Чтобы, выждав смертоносный час,

Воткнуть его в спину беспечного врага.

Подобно свирепому пауку,

Ткешь сеть из лжи и обмана,

Чтобы захлестнуть ею трепещущую жертву,

На огненном ложе

Сплетаешь гигантские тела народов,

Содрогающиеся в кровавом сладострастьи,

И ликующими факелами

Освещаешь брачный пир.

Безумные, яростные толпы,

Прозревшие бездонность своей мощи,

Пьяные от мести и гнева,

Ты бросаешь

На дворцы королей, замки богачей.—

Проклятые вертепы бесстыдно-гнусных оргий.

Ты отточила мечь Спартаку,
Шепнув: „рази господ царей“!
Ты нож вложила в руку Равальяку,
Чтоб „лучшего“ сразить из королей.
Как хохотала ты, когда с помоста
В холодные объятия погоста
Везли останки короля;
Так хохотала ты, что вся земля
От хохота безумья содрогалась;
Ты иронически смеялась,
Когда сквозь жалкое окно
Унылой, сумрачной темницы,
Ты зрела блудную царицу
На грубом ложе, в рубище,— темно
От боли, злобы и страданья
Ее лицо казалось...

И ныне, потрясая кроваво-красным знаменем,
С головой, повитой пламенем,
Ты шествуешь по трупам,
Увлекая за собой яростные, красные толпы.

Словно гномы черные,
Словно духи неприступных гор,
Из глубоких, темных нор,
Из зловещих подземелий,
Из безмолвных шахт, туннелей
Выползают на простор;
Из высоких, мрачных зданий,
Где рычит железный колосс,
И упорный шепчет голос
Тайну вещей прорицаний—
Рати буйные идут,
Мести факелы несут.
Из трущоб и хижин смрадных,
Из лачуг убогих чадных
Все сбегаются на зов
Грозных и жестоких слов.

Они сбегаются на твой зов, о ненависть,
Ураган безумья корчит их тела,

Они взрывают древние замки насилья,
Рушат темницы, давившие их порыв

К радостному Солнцу.

Как ядовитые головки мухоморов,
Сбивают головы царей порфириносных,
Рвут мантии и пышные одежды,

В которых

Нить каждая из крови их и пота;

Чертоги позлащенной лжи,

Предательства раскрашенные храмы,

Дворцы презрения и распутства

Они предают мстительному пламени.

Все рушится...

Пусть гибнет мир жестокий и угрюмый

Из пламени его, как возрожденный бог,

Иной восстанет юный и прекрасный.

О благодатная,

О незакатная,

Слава тебе!

Ты опьяняешь,

Ты укрепляешь

В грозной борьбе.

Ты очищаешь,

Ты одобряешь

В жаркой крови

Светлые нивы вселенской любви.

Слава тебе!

Вождь.

О, это вождь необычайный:
Многоликий,
Огнеликий,
Вихрь воль стремительных,
Нетерпеливых,
Неистовых и яростных,
В едином слившихся порыве
К солнечной
Ослепительной цели;
Узел мускулов чудовищных,
Сетью стальной
Захлестнувших вселенную,
Вождь непреклонный,
Вождь суровый,
Восставший в вихре огненной грозы,
Под гул набата,
Под лязг железа,
Под звон проклятий,
В одеждах бранных,
Дымных,
Красных.
Его душа мятежная,
Страстная,
Вдохновенная,
Необ'ятному небу подобна,
Грозными тучами,
Синими молниями
Клубящемуся;

Буйному пламени, в котором иступленно бьются
Мужественные души
Героев, мучеников, мудрецов;

Воля его—смертоносный лук,
Спускающий звенящую стрелу,
Яростный прибой Океана,
Смывающий гигантские скалы,

Гремящая лавина,
Увлекающая тысячелетние леса;
Воля судорожная,
Лихорадочная,
Экстатическая,

Рождающая молнии пожаров
И гром восстаний;
Воля неистовая,
Сверхчеловеческая,

В которой слиты воли миллионов.

Мысль его пылающая—море безбрежное света,
Куда вливаются

Сверкающие волны широких, мощных рек
И звонких речек серебряные струйки;

Каскадами пламени,

Солнц неугасных сияньем

Она заливает

Бездны, дебри, лабиринты

Трепетной и многоликой жизни,

В страницах темных веков прошедших,

В кипеньи бурь и вихрей настоящего

Она читает

Грядущего таинственные знаки,

Провидит

Столетий величавых очертанья.

Давно то было:

В те дни в угрюмом сладострастьи

Со сворою неистовой своей

Свирепый пес несытой пастью

Терзал грудь родины моей.

И был еще беспомощным ребенком
Тот исполин, кому судьбой было дано,
Взвихрить вселенную самым звонким—
И победить в великой схватке суждено.
В стране, омытой укусом страдания,
Поросшей полынью и плачуном,
Бросал он дерзко семена восстания,
И поливал их огненным дождем.
Как золотые слитки скряга,
Он скорбь народную копил
И гнева, мести огневую влагу
В подвалах сердца хоронил.
На муку, казнь и поруганье—
Свое он тело предавал
Исчадьям зла,—и в содроганьи
Все ждал, все ждал,
Когда исполнятся немые начертанья,
И возмужавший исполин
Сметет бесжалостно тысячелетий грани,
И станет мира господин.

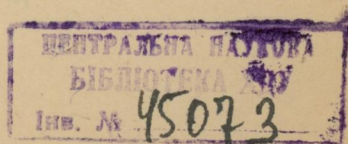
И час пробил:
Он по лицу земли родной
Рассеял мощною рукой
Дракона зубы огневые.
Взошел посев в земле сырой,
С железным сердцем и рукой
Родились воины стальные.
И гром и бурю разнесли
По всем концам родной земли
Железно-кованные рати;
Гремит восстания труба,
Вскипает грозная борьба—
Вселенских час пришел распятий.
Суровый вождь несметных ратей,—
Он их ведет на штурм твердынь,
Что высятся, как марева заклятий,
Как башни черные гордынь,
Как символ мрачный униженья,
Позора, рабства, нищеты

И вековых преступлений,
И лицемерной красоты.
В дыму клубящихся пожаров,
Средь грома, воплей и ударов
Гудит его набатный зов,

И грозный рев
Неукротимых, иступленных,
Безумьем диким потрясенных,
Ему ответствует бойцов.
Тот буйный клич освобожденья
Гремит по всем концам земли,
Грохочет яростно вдали
Призывом дерзких возмущений,
Встают, как духи сновидений,
В рабочих куртках рыцари труда,
Кипят восстаньем города,
Гудит мятеж среди селений,
Железной сдавленный пятой,
На смерть мятется Осужденный,
И красный Ужас над землей
Клубится вихрем раскаленным.

.....

Еще не кончен бой,
Еще клубится дымно-серый
Пожаров полог над землей,
И рыщут огненные звери,
Сквозь красных вихрей лай и вой;
Еще сверкают грозные зарницы
В багрово-сизых облаках,
И мчатся духов вереницы
На черных бешенных конях,
Но средь хаоса и крушений,
В кипении битв и иступлений,
Он весь—дрожанье творческой мечты,
Взрыв окрыленной красоты.
Пророк и мастер вдохновенный,
Строитель смелый, дерзновенный,
Он зажигает творческим огнем,
Он опьяняет солнечным вином

Миллионы рук нетерпеливых,
Миллионы пламенных голов,
Мечтою осиянных горделивой,
И вот они—среди битвы и громов,
За камнем камень кропотливо,
За балкой балку терпеливо
Кладут грядущего остов.

О, вождь суровый, непреклонный,
Свось вихрь космических годов,
Сквозь пламень очистительных костров,
Ты над землей преображенной
Сиянье радости зажжешь,
И человечество отважно приведешь
В поля Коммуны незакатной,
В сады восторгов необ'ятных.

Тем, кто грядет за нами...

О, дети кроткие
Грядущих солнечных веков;
О, нежные цветы
Неумирающей весны;
Когда,
В безмятежном и гармоническом покое,
Вы будете созерцать
Сверкающую нагой юностью вселенную,
Вспомните ли вы нас,
Суровых детей трагического века,
Неукротимых ваятелей ослепительных ликов,
Сквозь пустыни Мрака,
Горы Ужасы,
Моря Смерти
Неутомимо шедших
К светлым садам Грядущего,
К мерцающей грезе золотых сновидений?
Постигнете ли вы
Ясным и кротким сердцем
Священное безумие,
Божественный экстаз
Наших дерзновенных сердец?
Осенит ли
Ваши белоснежные, стыдливые души
Грозная тень титанических страстей,
Сжигавших наш мозг?
О, наши души

Изваяны из жестокого, как Смерть, железа;
Наши руки,
Схватившие за горло злобный и своевольный Рок,
Выкованы из холодной, как ночь, стали;
Наши пылающие глаза
Пронизывают мрак веков,
Но наши сердца,
О, они полны трепетной любви
И безмерной нежности!
Они опалены целомудреннейшей страстью
Благородного Титана.

Величественное, гордое виденье слепило наш вещий взор;
В алеющем тумане
Мы созерцали вдохновенные очертанья
Вечного Города—Мечты:
Его стройные стены и башни,
Повитые гирляндами улыбающихся цветов,
Облаченные в сверкающие одежды Красоты,
Окропленные росой Радости,
Прихотливые линии мраморных дворцов,
Сливавшиеся в гармонические узоры,
Изумрудные крыши, сиявшие великолепием и пышностью.

Как медленно, как трагически медленно
Двигалась туда золотая колесница,
Нагруженная судьбами мира;
Тихо, безучастно тащились кони
По ухабистым, изрытым
И скучным дорогам времени.
Как будто кто-то
Мрачный и ненавистный
Железной рукой
Сдавил
Буйный порыв нетерпеливой Истории.

О мы взнуздали ее, мы вздыбили ее,
Огненным бичем исполосовали упрямую спину,
Раскаленной уздой изранили взмыленный рот
Тогда, о тогда,

Как безумная, ринулась она,
В бешеной скачке разбрасывая огненные брызги;

Грозный хаос заklubился,

Вихрем губительным

Все истребляя,

Все поглощая;

Ужас безликий

Черными космами

Землю опутал,

И содрогнулась,

В муках предсмертных

Вся извиваясь,

Мать—Земля.

Огненным смерчем,

Пасти оскалив,

Вдруг закружились

В пляске бесстыдной

Духи подземные,

Духи ночные,

Фурии, гарпии,

Гномы и тролли,

Все в сладострастном

Сплелись хороводе,

С смехом кощунственным

Гнусно кривляясь

И издеваясь...

А выше, всех выше,

Факел вздымая багровый,

В саване красном

Шествует Смерть...

Смелей, смелей,

Еще один порыв и взмах меча тяжелый,

И солнце озарит леса, поля и доли

В красе торжественной своей.

О, дети светлые веков грядущих,

Сквозь вихри пламени и гнева,

Сквозь ураганы, бурь напевы

Мы созерцали вас идущих

По светозарным полям;
Юные, чистые,
Сказки душистые,
Вы улыбались нам.

Время, паук златотканый,
Тканью забвенья заткет
Мира кровавые раны;
Радость на землю сойдет
Сказкой-мечтой белокрылой;
Лютик, гвоздика, левкой
Светлых героев могилы
Пышной оденут порчей.
Некогда внук бледнолицый,
В призрачный вечера час,
Сагу о дедах великих
Гордую сложит о нас.
Будут в слезах молчаливо
Нежные девы внимать,
Древле, как в грозном порыве,
Гордая рыцарей рать
Царство угрюмое тленья,
Троны постыдные Зла,
В мрачные бездны забвенья,
В пропасти Смерти снесла.
Будет журчать вдохновенно
Горькая сага скорбей,
Крови, борьбы дерзновенной;
Встанут из мира теней,
Скорбным послушные звукам,
Мертвые чуткой толпой;
С светлой улыбкою внукам
Станут кивать головой.
В песнях, легендах, преданьях,
В книге бессмертной судьбы
Вечно пребудут сказанья
Грозной, великой борьбы.

Женщины.

Не вас я вижу в вещих снах,
В сверканьи пышной наготы,
Знойно-прекрасные менады,
Томно-бесстыдные астарты,
С лицами, побледневшими от страсти,
С устами, сожженными ненасытным желаньем,
С зрачками, озаренными факелами сладострастья;

Не вас, женщины,
Загадочные как ночь,
И хрупкие, как хрустальные вазы,
Подобные улыбке белокрылой Грусти,
Беззвучному шопоту Тишины,

Запаху умирающего цветка
Прозрачно-бледные, прозрачно-нежные
И белоснежные,
Как вечер призрачный, закатно-тающий
И догорающий,
В одеждах палевых,
Вы устало улыбаетесь
Темной улыбкой Смерти.

Не вас,
Кроткие жены, прилежные пчелки,
Трепетно-нежные матери,
Над колыбелью дитяти грезящих сладко,

Иные
Встают предо мной,—

В извивах дымки золотой,
Дыханьем солнца обожженные,
Звонящим ветром опаленные,
В полдневный зной,
Средь ржи шумящей
Мелькают спины бронзовые жниц,
И падают в смятении ниц,
Покорные косе блестящей,
Колосья золотые;

•
Еще другие —

Под мерный ритм моторов,
Под шум станков докучный
Рождается
Из под упругих пальцев их
Экстаз шелков шуршащих.
Парчи холодное величье,
Бесстыдство грациозное атласа
И бархата мистическая томность.
Но в каждой нити пряжи той струится
Упругость гибких членов,
Блеск молодых очей
И пурпур нежных щек.
О женщины, о дети хат убогих,
Поблекшие цветы подвалов нищеты,
Кварталов мрачных и убогих,
Где никогда веселье не смеялось,
А радость никогда венком душистых трав
Беспечные головки не венчала,
Где смех и песня сумрачно молчали,
Но Скорбь и Голод буйно ликовали.

Время настало железной метлой
Вымести мира чертог золотой,
Факелы мести давно зажжены,
Кубки рубиновой влаги полны,
Злобно железо глухое звенит,
Грозно безумье в рог смерти трубит
Зори восстаний

Смелых дерзаний,
Молний багрянных,
Подвигов бранных.

Вот они—в нимбах извилистых молний,
В пламенных ризах искры великого гнева калят

Брызгами крови
Мир содрогнувшийся жарко кропят,
Огненным строем, вихрем палящим
В смертный кидаются бой,
Кроткие, буйные, нежные, грозные
Шествуют смелой стопой
К зорям пурпурным, сквозь ночи багровые,
Где, как виденье над зеркалом вод,
Берег алмазный в тумане лиловом,
В мантии белой, встает.

Там, в сияньи солнц багряных,
Зреет радость на полях,
Машут белыми крылами
Сны малютки на цветах;
Сказки синие порхают,
Улыбаясь мотылькам,
В пышных солнечных одеждах
Бродит счастье по лугам;
Гордый род людей блаженных,
Раса светлая богов,
Там живет в садах янтарных
Средь лазоревых холмов;
Кто-то нежно улыбнулся
Мне в хрустальной тишине,
Чей то образ отразился
В зыбкой озера волне;
Это ты веков грядущих
Вечно юное дитя,
В ореоле грез лучистых
Промелькнула шелестя.

Никогда сухие губы Скорби
Не касались милого чела,
Никогда слеза—роса печали

Не гасила пурпур нежных щек,
Никогда отчаяния тени
Не мрачили влажный блеск очей.

В светозарной солнечной головке,
В чистом мраморе крутого лба
Воплотилось в сладком сочетаньи
Все, о чем маячила Судьба;
Все мечтанья гордые столетий,
Воля буйная героев и певцов,
Вздохи жизни трепетной и властной,
Вдохновенье пламенных веков.

.....

И все-ж вы милей,
Повитые грозой и бурей,
Познавшие безумье фурий,
О дети огненных полей.

Замкнув скорбей заклятый круг,
Голгофы мук,

Кресты из черных лилий,
Вы на себя взвалили,
И в царство света и мечты
Из тел лучистый мост сложили,
Стропила нервами скрепили
Горячей кровью окропили,
Призывно-гулкие щиты.

Над осветленную землей
Суровые трагические тени
Встают в кровавом озареньи
Туманной призрачной толпой;
Алмазы радости роняя,
С горящих лаской скорбных глаз,
Как бьется сердце замирая,
О сестры милые, лишь вспомню вас!

—

Кровь.

В эти дни,
Когда властно стучится
Железной рукой
Настоящее в двери Грядущаго;

В эти дни,
Когда дышет прозреньё
В каждом биеньи взмятаженной жизни;

В эти дни,
Когда смутные лики,
Сквозь просинь в разодранных тучах,
Внезапно черты просветляют,
Слышу я в грохоте битвы,
В гуле борьбы и разгромов

Голос колдующий,
Голос, бесшумно поющий

Песнь зловещую,
Дикую песнь, начало которой
В далях веков затерялось:

„Выкуп судьбе молчаливой
Платит всегда человек
Золотом влажным, бурливым,
Золотом огненных рек,
Золотом красным,
Золотом жарким,
Золотом страстным,
Золото требуют Парки,

Что в жилах струится,
Как пламень стремится!

Средь дремучих лесов, средь зыбучих болот,
На серебряных склонах безмольных высот
Кровь извека лилась человека.

На просторе морей, на приволье лугов,
Средь угрюмых снегов и пустынных песков
Кровь извека лилась человека.

В городах, где кипит многошумный прибой,
И в селеньях, где царствует вечный покой,
Кровь извека лилась человека.

И там, где сверкает шатер голубой,
Над землей, под землей
Кровь извека лилась человека.

Древле дымящейся кровью
Грозных кропили богов алтари,
Кроткому богу любви
С жаркой мольбой возжигали костры.
В мгле зловещих подземелий
Кровь стучала по камням:
Тик-так, тик-так камни пели
Песнь отмщения векам.
Ярко блестели гранаты, рубины
На золотистом арены песке,
Будто шафран на лугу златосинем,
Будто румянец на смуглой щеке.
Жадно пили скорби влагу
Камни улиц, площадей
В дни, когда взвивались стяги,
Маки солнечных полей.

И всюду кровь, как страшный знак заклатья,
Как некий вещей тайны талисман,
Как символ черной благодати
Богов подземных адских стран.
.....
Ныне в последний раз, в последний раз

Ты поешь свою песнь, о кровь,
Лебединую песнь...

Видишь ли ты, человек,
Как плачет червленными зорями
Скорбное небо,

Как кровавое море по хмурой земле разлилось,
Как кровавые волны бушуют,
И бьет о высокие стены

Застывших в испуге немом городов
Багряный прибой,

Смывая устои и скрепы земли?
Видишь,

Как тяжело катят киноварные струи,
В пьяном бреду позабывшие

Путь свой урочный, бурлящие реки;

Как никнут цветы и трава, задыхаясь

В липкой, дымящейся влаге,

Как в сизо-багровом тумане

Страшные лики встают—

Древняго хаоса дети?

Но эта кровь, что льется ныне,

Как дождь полуденный в долине,

На землю гулкую падет

И пыль и муть веков сметет;

Ростки столетних ожиданий,

Заветных снов и гордых упований

На нивах, кровью вспаханных, взойдут,

И расцветут,

Наместо крапивы насилья,

Свободы мак и златоцвет,

И человечество, расправив крылья,

Взлетит навстречу солнечных побед.

Кипи прибой, шумите волны,

На грани радостных веков,

Последний вздох безумной песни

Развеется, как тень зловещих снов.

Ты.

Чувствуешь ли Ты,
Как бьется мое сердце,
Лишь назовут твое имя,
Увитое молниями славы,—

Грозное имя,
Заполнившее века призраками
Титанических подвигов?

Чувствуешь ли Ты,
Как пылают глаза,
Читающие

Пламенную эпопею, вписанную тобой,
В вечную книгу судеб Вселенной?
Ведь мы—маленькие, волящие атомы,
Маленькие атомы огромного мозга,
Маленькие атомы космической воли,
Разрушающей и созидающей миры,
Гигантскими пальцами ваяющей
Ослепительные лики грядущих веков.
Мы—безымянные солдаты апокалипсического во-
инства,

Исступленного и экстатического,

Пришедшего в мир,
Чтобы зажечь его светом новых солнц.
Мы родились в колыбели твоего духа,
Ты пеленала нас в огненные ткани мятежей
Поила укусом ненависти и гнева,
Купала в купели исступления,
Убаюкивала песнями ярости и мести.

Ты вздыбила наши воли
На вершины катастрофического героизма,
Закалила в пламени неистового упорства,
Отточила на оселке скорбей
В сверкающую беспощадную сталь,
И, бросив в раскаленные горны борьбы,
Указывая пророческим перстом
На огненные вехи, повелительно приказала:

„Иди“

В одеждах из пламени, с трагической печатью на
челе,

Потекли яростные фаланги обреченных
По неистоптаным тропам мира,
По лабиринтам человеческих страданий.
Они ринулись в мятежные города,

Где бронзовые рабы,
Оглушенные от гула железных гигантов,
Ослепшие от раз'едающих клубов дыма и копоти,
Подобно гномам,

Озаренным отблесками подземных огней,
Ковали все великолепие мира.
Они устремились

В обезумевшие от голода селения,

Где бледный поденщик,
Прикованный железной цепью нищеты и терпения
К мрачным глыбам пашень и лугов,
В зрывал зловещими плугами горечи
Сухую растрескавшуюся землю,
Чтобы сеять в нее черные зерна
Страдания и отчаяния.

Как струи текучих вод,
Они просочились в страны дремотных сказок,
Озаренные фантастическими солнцами,
Где на плодоносной груди щедрой матери-Природы,

Среди невиданных цветов,
Корчился в муках голода
Безглагольно-покорный пахарь.
Драконов человеческих скорбей
Ты вооружила челюстями ярости,
Отчаяние—когтями кровожадного зверя,

Голод—страшными клинками жестокости,
И, размахивая красными полотнищами надежд,
Повела их к новым небесам и новым звездам.

Медью гудящего слова,
Молниями титанической мысли
Ты заворожила суровые сердца,
Связала в пылающий узел раскаленные желанья
И, обозревая пророческими глазами
Безмерный путь, растилающийся впереди,
Загроможденный призраками Ужаса
И теньями Безумия—

Суровая и неистовая—
Лавину катастрофических извержений,
Ураган стихийных воль и страстей
Ты направила

По извилистым путям Истории.
Ты—пламень вещаго прозренья,
Лед безстрастной мудрости,
Неистовство судорожного устремленья
Упорство молчаливого исканья;

И, рассекая сталью огненно-холодной воли
Багровую муть хаоса,

Замыкая магическое кольцо веков,
Ты ваяешь циклопическими молотами
Иную сферу и иную твердь.

На приступ!!

...И запылали города;

Громады из гранита и бетона
Разверзли огнедышащие пасти,
И брызгами расплавленной руды,

Потоком синеблужным,

Залили камни серых мостовых
И плиты гулких тротуаров;
И потекли клокочущие толпы,
На парусах неистовства и гнева,
К дрожащим, обнаженным площадям,

Где

Башни из мрамора, с острыми шпилями,
Пышными арками и колонадой,
Здания, глядевшие в гордом величьи,
Вызов надменный бросавшие звездам,
Храмы, дворцы в золотом одеянии,
Банки, конторы зеркально-оконные
Вдруг задрожали в страхе безмолвном;
Ужас пополз по ковровым ступеням,
Ужас застыл в гобеленах и фресках
В темных углах величавых покоев

Вдруг зашуршало безумье:

Вот он—возмездия день роковой.

Там в светозарных дворцах

Власти магической цепи

Кто-то кует на костях,

Злостью смыкая свирепой.

Голода змеи и мук,
Мрачно шипя, выползают,
Пасынков хмурых лачуг
Кольцами смерти свивая.
Ночью кипят там пиры,
Запахом трупов дымятся
Яства, и чаш янтари
Слез жемчугами искрятся,
Бледные женщины там,
С красными, жадными ртами,
Как упыри по ночам,
Крови пьют липкое пламя.
Стоны погибших детей
В шелесте шелковых тканей,
В блеске кровавом камней—
Отблеск всесветных страданий.

О эти жесты бронзовых дланей,
Кулаки, сжимающие сталь ярости,
Вопли потрясающие вселенную громом проклятий
Глаза, бороздящие воздух стрелами гнева,
Топот бесчисленных ног,
Терзающих плоть земли!

Вопли и крики, как плети,
Хлещут угрюмый гранит,—
Это сквозь дали столетий,
Скорбь, обезумев, вопит.
В молниях глаз непелящих—
Пламя подземных огней,

Дико-зловещих, грозящих
Стенам темницы своей.
В гуле падений, смятений,
Слышишь ли топот шагов,
В ставших на бой поколений,
Спавших во мраке гробов?
Топот чугунный, мириады
Грозных, мятежных теней,
Пламени, лавы каскады,
Вихри крушений, смертей!

На приступ, на приступ!
Как море, прорвавши нависшие скалы,
Врывается в сушу,
К беззвездному небу победно взметая
Вспененные волны,—
Так вихрем безумья,
Грозой иступленья
Сплетенные груды сверкающих тел,
Взвиваются выше,
Все выше

Свиваются в кольца,
Тараном гудящим
Ломая, взрывая,
Угрюмые башни веков.

На приступ, на приступ!
Из страха пещер и провалов терпенья,
Из диких ущелий презренья,
Сломавши затворы, заторы,
Сорвались плененные духи,
И в факельной пляске,
Костром исполинским
Зажгли обезумевший мир,
В чьем пламени яром пылают, сгорают
Поблекшие мантии лжи вековой,
Лохмотья истлевшие веры убогой
И черные злобы доспехи.

На приступ, на приступ!
Багровые зори кровавым дождем истекают;
Багровое солнце закрылось фатой погребальной,
В багровом тумане мелькают гигантские тени,
В конвульсиях буйных сплелись исполинские торсы,
Железные руки обвились для смертных об'ятий;
Железные зубы терзают огромные члены,
Предсмертные вопли сметают застывшие звезды,
На приступ, на приступ!

Город.

Далеко, далеко,
И де седое как луни крыло,
Разметалось нахмурилось небо,
Среди зыбистых, дремных полей,
Шелестящих лесов и тоскующих нив,
В алом тумане, как огненный взлет,
Город встает.

Там облакает гордый лоб народа
Победы солнечной венки,
В долинах сорванный невзгоды,
Чей в крови каждый лепесток.
Там труд на троне восседает
И тклет для будущих времен
Из пряжи радости хитон,
Жемчужинами счастья расшивая.
Там истекают камни стен
Бурлящей кровью черных знаков,
Ворочающих глыбы шлаков,
Взрывающих железный плен.
На шпилях башен и дворцов
Алеют паруса восстанья,
Как будто простирают длани,
Грозь безмолвно сонмищам врагов.

Там, из пучины экстаза
Вопли провидцев гудят иступленно,
Вещих провидцев,
С душой, осиянной светами звездных видений,

Зорями пламенной веры.
Там, грозных трибунов
Бурею слов смертоносных
Красные горны вздуваются,
Где куются
Молнии гроз, мятежей и востаний,
Молоты, тяжко дробящие
Цепи и узы земли,
Своды вселенской темницы.

Он, как призрак огромный,
Царит над вселенной:
С севера, юга, востока и запада,
Как к исполинскому мозгу,
Тянутся нити к нему
Красных надежд и желаний,
Воль раскаленных, сил иступленных,
Бешенства, злобы и страха
Неопалимой купиной
В мути туманов багровых пылает,
Миру бросая
Новых заветов, евангелий и откровений
Буйное пламя;
Эхом миллионно-звонным
Гудит его голос в хижинах дымных, в лачугах,
В шахтах, тунелях и копиях,
В мрачных громадах заводов и фабрик,
В смрадных кварталах столичных предместий,
В юртах монголов, шатрах бедуинов,
Стелется
Вдаль по полям и плантациям
Индии, Явы, Китая
Цейлона, Кубы, Египта;
Души рабов желтоликих, коричневых, черных
Буйством и ярью взметая.

Из городов сквозь лязг машин,
Станков, моторов грохот медный
Ему бросает клич ответный
Заводов дымных бледный сын.

Шахтер суровый,
С лицом изгрызанным углем,
В могиле черной слыша зовы,
Кидает на земь тяжкий лом.
Дрожит, заслышав эти звуки,
Поденщик—темный раб земли—
К виденью гордому вдали
С надеждой простирая руки.
В лохмотьях пестрой нищеты, индус
На берегах зеленых Ганга
Китаец, турок и зулус
О нем гадают спозаранку.
И бедуин при звездах и луне,
Закутавшись в брунус дырявый,
Поет о белом граде славы,
Среди снегов, в далекой стороне:

А он все ждет, все ждет....

Когда бурлящие потоки
Сольются в мощный океан,
Когда из дальних, близких стран,
Как огнеликое сирoko,
Взметнется яростная рать,
И будет мир в огне пылать,
И будут падать с диким стоном
Стальные башни Вавилона.
.....
Ночь разверзает огненные бездны
И шлет на приступ воинство свое,
А он, закутавшись в свой плащ железный,
Он сотрясает гневное копьe,
И ждет и ждет...

Виденье.

Забрызганный кровью и грязью,
Кристаллами пота покрытый,
Я вышел на миг из сраженья,
И бросился на землю; усталой
О камень приткнул головою,
И дрема рукою воздушной
Смежила мне ласково очи;
Привиделся сон мне блаженный:

Я шел по той земле, где раньше бледный Голод,
С губами синими, размеренно шагал,
Где выла Скорбь протяжно, как шакал,
И рыскал Страх сквозь мрак и холод.
Где Ужас, притаившись как во сне,
Глядел на мир застывшими глазами,
Где Смерть на вороном коне
Носилась, бешенно гремя костями.

Мне снилось, что окончен древний спор,
Зловещий спор—жестокий неустанный,—
И человечество
В согласную семью слилось,
Забыв вражду и злобу.
Пред волей непреклонною его,
Пред гением бессмертным человека,
Смирненно преклонились
Могучие таинственные силы;
Стихии грозные, пространство, время

Он победил в немолчных битвах;
Он укротил взнуздал и приручил
Мощь солнца, бег стремительный воды,
Извечные неведомые силы,

Сокрытые

В материи недвижной, изначальной,
И сетью золотой могущества и власти
Вселенную отважно захлестнул.
Поля полночных вьюг и льдов,
Жилище холода и мрака,
Где в белые закутавшись одежды,
Угрюмо Смерть бродила среди снегов,
Он растопил и облачил
В зеленые шумящие одежды.
Пески сожженные пустыни мертвой,
Где извека на огненных крылах
Самум носился грозноликий,
Расшил узорами садов кудрявых;
На голубых вершинах гор,
У берегов жемчужинных рек,
Средь молчаливой сени
Оливковых и кипарисных рощ
Воздвиг из мрамора, гранита и порфира
Громады стройные дворцов и храмов,
И расцветил улыбкой юнной
Морщинистый и хмурый лик вселенной.

И с земли освобожденной,
Словно призраки ночные,
Прочь умчались горе, страсти,
Зло, безумье, вожделенье,
Злоба, алчность, преступленье,
И у ног его смиренно
Даже Смерть свои сложила
Кровью залитые крылья.

Сбылись сказки золотые,
Белой грезой осиянный,
В ткани счастья заревые
Мир оделся новозданный,

И в венке из март и лавров,
В позолоте зорь весенних,
Гроном радостных литавров
Дни встречает возрожденья.

О сон незабываемо-прекрасный!

Одетая в белые ризы,
Залитая угра сверканьем,
На ложе жемчужном,
В курении трав ароматных,
Покоилась мирно земля.
Над нею сапфировый купол,
Как хрупкая чаша причастья,
Пьют сочными нивы губами
Пурпурную влагу спасенья,
Живительный солнца напиток.
Сверкают холмы голубые,
С густым ожерельем вокруг шеи
Из белых серебряных тучек,
И с шапкой кудрявой, косматой
Лесов шелестящих, поющих
На синих, зубчатых вершинах.
А дальше—сады золотые,
С травой изумрудно-зеленой,
С цветами, как стройные вазы
На тонких серебряных ножках,
Увитые в алые ткани,
Из трепетных солнечных нитей—
Как в сказке волшебной, воздушной,
Цветут в лучезарных одеждах,
Смеясь, города—великаны,
Из мощных массивных базальтов
И хрупкой, колдующей яшмы.
Дворцы с малахитовой крышей,
Как гордые лебеди в тучах,
Распластали стройные крылья
И к небу возносят колонны
И арки, увитые плющем,
Гирляндами пышных глициний

А в сине-воздушной пучине
Железные мощные птицы
Могучими крыльями режут
Хрустальные волны эфира.

Я видел под сенью гранатовых кушей,
По плитам, обрызганным солнца росой,
С улыбкой загадочной в взоре влекущем,
Шли стройные юноши легкой толпой.
Пурпурные ткани вились грациозно
Вкруг смуглых, сверкающих бронзою тел,
Из страстных нарцисов и лилий серьезных
На каждом венке золотой пламенел.
Гирлянды пленительных женщин сплетались,
По склонам узорным лазурных холмов,
Сходились в чарующем ритме, свивались
В истомном безмолвии полуденных снов.
Веселые толпы струились, кружились
На звонких, от солнца хмельных площадях.
И в розовом воздухе звуки роились,
Как белые птицы в седых облаках.

И Красота везде царила безраздельно,
И Красотой был каждый атом напоен,
Она смеялась голосом свирельным,
И розами увит ее был пышный трон.
С ее прозрачных, легковейных пальцев
Стремилась радость светлотканых снов;
Какая пряжа с гибких, стройных пальцев
Струит симфонию красок и цветов?

Так чудно было мне глядеть на этот мир
Спокойный, радостный и величавый,
Куда пришли потомки днесь на пир,
Им уготованный отцов борьбой кровавой,
Где грезы пенилось янтарное вино,
И шапинты—кудри счастье увило,
Где золотое Парк веретено
Нить вечной юности сучило.

И проснулся я; с искривленным лицом,
В одеждах окровавленных, лежала
Страдалица—Земля, и огненным крылом
Над нею Смерть косматая махала.
Стонал набат безумный в высоте,
Рыдало небо скорбными слезами,
Вихрились грозы в зыбкой темноте,
Перекликаясь зычно голосами.
И с края и до края по земле,
В кроваво-озаренной мгле,
Сходились яростные рати,
Сплетами в огненном об'ятии.

.

Он придет этот мир тихих радостей, грезы певучей,
Улыбнется сквозь слезы, как лик освещенный ребенка,
Далеко, далеко голубеет уж небо сквозь тучи,
Брежит свет на краю горизонта полоскою тонкой.
Златокудрые сказки с загадкой в пленительном взоре
Будут шествовать тихо по росным горам и долинам,
Запряжет колесницу Мечта, и в алмазном уборе
По путем бездорожным помчится к видениям синим.

Он придет—наш далекий сын,
Голубых амарилис долин,
Грядущего вспаханных плугом.

В океане зрачков золотом
Отразится загадочным сном
Блеск вечности трепетным кругом.

Властелин необ'ятных миров,
С'единит хрупкой тканью мостов
Межзвездные неба пространства.

Развернет золотую скрижаль,
Голубую распишет эмаль
Немеркнущих знаков убранством.

Он придет, златокудрый бог,
В пышный солнечный мира чертог,
Увенчанный нимбом бессмертья.

Он придет из тумана веков,
Из хрустального плена цветов,
Победитель и Жизни и Смерти.

